

Коу Дун смотрел на крошечную деревянную бусину, лежавшую на раскрытой ладони Злого божества. Вокруг нее клубилась едва заметная черная дымка, расползаясь во все стороны, а багряное сияние луны окрашивало ее в причудливые, зловещие тона.

На темном дереве проступила алая капля; бусина оставляла на ладони божества кровавые следы. Она едва заметно пульсировала, напоминая живое сердце, зажатое в кулаке. Долгий взгляд на нее вызывал дурноту и головокружение.

Ощущение было не из приятных.

Е Яньчжи нахмурился, с подозрением глядя на Злое божество. Было очевидно, что ничего хорошего эта вещь не сулит.

Разумеется, Коу Дун тоже прекрасно это понимал.

И все же он не мог оторвать глаз от пульсирующего «сердца», замороженный им почти до безумия. Будто перед ним лежала не проклятая деревяшка, окутанная черным туманом, а бесценная сияющая жемчужина.

— Иди сюда, — вкрадчиво прошептало Злое божество. Его голос, сладкий, как мед, струился ядовитым соблазном, завлекая Коу Дуна в глубь святилища. — Сделай шаг... Войди, и я отдам его тебе.

Любой здравомыслящий человек на его месте застыл бы как вкопанный.

Тем более Коу Дун, который только что ясно осознал, что перед ним ловушка.

Крошечный Е Яньчжи, сидевший на плече юноши, бесстрастно наблюдал за происходящим, как вдруг уловил едва заметное движение.

Не отводя взгляда от бусины, Коу Дун медленно поднял ногу и сделал шаг вперед.

Е Яньчжи оцепенел от изумления:

— Коу Дун?

В глазах юноши не осталось ни единой эмоции. Е Яньчжи с ужасом почувствовал, что плечо Коу Дуна под его ногами затвердело, став жестким и холодным, словно маска Нуо, и при каждом шаге издавало глухой, деревянный стук.

Он не мог подобрать слов для этого состояния, но в это мгновение Коу Дун перестал быть

похож на живого человека. Он казался...

Казался деревянной статуей, точь-в-точь как те, что выстроились за спиной Злого божества.

От этой мысли у Е Яньчжи перехватило дыхание.

Коу Дун сделал еще один шаг к порогу храма.

Этот медленный, неотвратимый ход привел Е Яньчжи в ярость и ужас. Он принялся нещадно колотить юношу по щекам, пытаясь привести его в чувство, но Коу Дун, словно высеченный из камня или вырезанный из дерева, не реагировал на удары.

Он лишь слепо продвигался вперед, пожирая глазами заветное «сердце». Фигура Злого божества наполовину скрылась в глухой тени храма, а другая его половина тонула в слабом, колеблющемся свете свечи, горевшей на алтаре. Уголок его губ, озаренный тусклым пламенем, кривился в торжествующей усмешке.

— Да, иди... — тихо прошептал он. — Послушный мальчик...

Оставшиеся игроки в масках Нуо безмолвно взирали на эту сцену. Ни у кого не хватило смелости вмешаться — страх перед могуществом Злого божества сковал их волю. В гробовой тишине раздался чей-то робкий шепот:

— Куда он его ведет?

В голове Е Яньчжи вспыхнула догадка: божество заманивает юношу прямо к жертвенному алтарю!

Кожа на его голове поползла от ужаса.

Наконец-то он понял, какую роковую ошибку они совершили.

Боги не воскресают.

Е Яньчжи прекрасно знал это правило, но, поскольку дело происходило в виртуальном пространстве, законы здешнего мира могли немного отличаться от реальности. Анализируя мотивы Злого божества, они с Коу Дуном пришли к выводу, что тот пытается вернуть к жизни Праведное божество.

Но что, если никакого способа воскрешения вообще не существовало?

Что, если замысел Злого божества был куда проще, грубее и беспощаднее? Что, если он намеревался затащить переродившегося в человеческом теле бога в свои чертоги, заставить его сожрать собственное темное сердце и тем самым вынудить занять престол, сделав новым Злым божеством?

До этого Коу Дун обсуждал с ним карту предвидения, которую вытянул ранее.

В Таро прямая карта «Суд» означает трезвое суждение и самопознание, тогда как перевернутая символизирует деструктивные попытки заполнить внутреннюю пустоту. В условиях этого мира Коу Дун склонялся именно ко второму толкованию. Именно эта карта предвидения позволила им связать Злое божество с почившим Праведным богом.

Но помимо туманного слова «Суд» на карте была куда более конкретная и понятная зацепка: «Рыцарь и Дракон».

Рыцарь и Дракон.

За этими словами крылся классический сюжет старой легенды. В древности свирепый дракон разорял селения, требуя в жертву самых прекрасных девушек.

Тогда люди призвали самого бесстрашного рыцаря.

Тот оправдал их надежды и после кровопролитной битвы сразил чудовище. Но когда герой вошел в пещеру и увидел горы сокровищ, алчный блеск отразился в его глазах.

Он посмотрел на полуобнаженную пленницу.

Он услышал полные священного трепета молитвы спасенных им людей.

И постепенно его лоб увенчали острые рога, а кожа на руках покрылась жесткой чешуей. Дракон действительно пал, но победивший его рыцарь так и не вышел из пещеры.

Он сам стал новым драконом.

Применив эту аллгорию к их игре, Е Яньчжи наконец осознал истинный смысл картины. Коу Дун был тем самым избранным рыцарем. Он разгадал личность Злого божества, что по правилам игры приравнялось к убийству дракона.

Но в то же время поверженный «дракон» сумел околдовать его, заставляя унаследовать свою тьму. Вот в чем заключался истинный коварный план божества!

Ради этого безумного замысла Злое божество, лишенное сердца, тратило последние крохи божественной силы на морок.

Какая пугающая, непреклонная одержимость!

Е Яньчжи понимал эту одержимость как никто другой в мире. Но понимать не значило одобрять. Разложив все по полочкам, он не стал медлить ни секунды. Сделав глубокий вдох, крошечный фамилляр изо всех сил засыпал лицо юноши градом звонких пощечин.

Других средств под рукой не было, оставалось полагаться лишь на этот варварский метод.

— Коу Дун! Очнись!

Получив внезапную трепку, Коу Дун на миг растерялся, его шаг замедлился. Но не успел Е Яньчжи обрадоваться, как юноша покачнулся и снова двинулся к дверям святилища.

Склонившись к самому уху Коу Дуна, Е Яньчжи, преодолевая неловкость и стиснув зубы, крикнул во весь голос:

— Да приди же ты в себя! Тебе туда нельзя! Головой подумай, у тебя в теле просто нет подходящего отверстия, чтобы засунуть эту дрянь!

Конечно, с точки зрения физиологии это было не совсем верно. Е Яньчжи прекрасно знал, что на теле юноши имеется ровно одно подходящее место, и не сомневался: безумный игровой персонаж вознамерился впихнуть проклятое сердце именно туда.

Да и чему удивляться? В этой игре у всех неигровых персонажей крыша ехала набекрень.

Сплошные извращенцы.

Коу Дун пропустил предупреждение мимо ушей. Носок его ботинка едва не коснулся высокого порога храма. Еще миг — и он переступит черту.

Времени не осталось!

Сердце Е Яньчжи тревожно сжалось. Хуже всего было то, что он не мог дотянуться до инвентаря — предмет «Слеза сирены» дразняще мерцал на панели, но оставался недостижимым.

Оставался единственный, отчаянный способ.

Е Яньчжи зажмурился, отбросил остатки гордости и, прильнув к самому уху Коу Дуна, заорал так, что эхо наверняка трижды отразилось от сводов храма:

— Папа!!!

На самом деле Е Яньчжи не был уверен, что это сработает. Коу Дун обожал дурачиться и вымогать у него подобные обращения, но это всегда было лишь шуткой. Разве могло оно...

Но нога юноши, уже зависшая над порогом, внезапно замерла. Он опустил ее обратно на землю и растерянно огляделся по сторонам.

Не проронив ни слова, Коу Дун всем своим видом выражал одну-единственную мысль: он ищет своего названного сыночка.

Е Яньчжи: «...»

Он и сам не понимал, чего в нем сейчас больше: облегчения или непреодолимого желания придушить этого придурка.

Ему всегда казалось, что Коу Дун просто издевается, выстраивая эту дурацкую иерархию, но тот, оказывается, искренне, всей душой жаждал быть ему отцом!

Ради этой великой цели он умудрился в одно мгновение рассеять божественное проклятие.

Какая, черт возьми, нездоровая одержимость, ничуть не уступающая безумию местных богов!

Унизительно, зато действенно. Вцепившись в руку юноши, Е Яньчжи яростно прошипел «папа» еще несколько раз, причем с такой интонацией, словно собирался разорвать его на куски. С каждым новым зовом пелена с глаз Коу Дуна спадала, пока он окончательно не пришел в себя. Вздвогнув от озноба, он обнаружил, что стоит перед самым входом в святилище, и недоуменно моргнул.

— Странно... — пробормотал он. — И зачем я сюда притопал?

—...

Е Яньчжи промолчал, твердо решив не комментировать услышанное.

Коу Дун, не заметив, как резко переменилось настроение его «сына», с подозрением огляделся по сторонам.

— Черт, у меня начисто стерся из памяти тот момент, когда я шел сюда. — Будучи парнем сообразительным, он быстро сопоставил факты и пришел к выводу: — Так у него оставался козырь в рукаве?!

— Похоже, последний, — глухо отозвался фамилляр.

Этого отчаянного рывка хватило, чтобы до дна вычерпать остатки божественной силы Злого божества. Прислонившись к стене храма, падший бог, кажется, понял, что его последняя ставка проиграна, и глухо, нутужно закашлялся.

Он все еще сжимал в ладони деревянную бусину, с которой на плиты пола капала темная кровь. Но раскрытая ладонь больше никого не ждала.

Коу Дун отступил на шаг. Наконец до него дошло.

Этот неигровой персонаж хотел отдать ему собственное сердце.

— Что же ты? — хрипло спросило Злое божество, не выпуская бусины из рук. — Не хочешь брать?

— Нет, — спокойно ответил Коу Дун, даже не думая протягивать руку.

Злое божество нахмурилось. На его лице все еще блуждала улыбка, но она казалась фальшивой маской из тонкой бумаги, неспособной скрыть ледяную пустоту в глазах.

— Почему?

Коу Дун молча смотрел на него.

— Тебе следовало понять это еще тогда, когда ты только затевал все это. — В его голосе не было пафоса, лишь простая констатация факта. — Ему... это бы не понравилось.

Он не пытался отождествлять себя с почившим Праведным божеством, а просто говорил от его имени:

— Ему не нужно оскверненное черное сердце.

Коу Дун хорошо помнил облик того бога. Пусть у него было то же лицо, но веяло от него кротостью и теплом. Когда его взгляд скользил по земле, бескрайние просторы ласкал теплый весенний ветер.

Тот бог никогда бы не смирился с тем, чтобы взрастить в себе скверну.

Улыбка окончательно исчезла с лица Злого божества.

— Ты — это он, — холодно отрезал падший бог.

В его глазах вспыхнула ярость, рожденная безумной, непреклонной верой:

— Ты — это он.

Коу Дун лишь покачал головой. Он не стал спорить с этим очевидным самообманом, а просто спросил, глядя прямо на угасающее божество:

— Если мне не изменяет память, твою личность тоже раскрыли, верно?

—...

Падший бог промолчал, словно его лицо превратилось в каменную маску.

— И все же ты до сих пор цел, — тихо продолжил Коу Дун. — За счет чего? Не благодаря ли этому сердцу?

Мужчина резко поджал губы.

Юноша попал в самую точку. Как только Коу Дун назвал его имя, Злое божество проиграло. Даже будучи богом в этом мире, он обязан был подчиняться правилам системы.

Пусть даже когда-то эти правила он установил сам.

Игроки в масках Нуо за его спиной испуганно ахнули: облик божества стремительно менялся. С тех пор как деревянная бусина покинула тело глиняного колосса, окутывавшая падшего бога плотная тьма начала рассеиваться, тая на глазах. Из клубов черного тумана постепенно проступали очертания его тела.

Сначала ступни, затем ноги, торс...

Смешиваясь со слабым пламенем свечи, серебристый лунный свет впервые полностью озарил падшего бога. Его бледная кожа отливала неестественной мертвенно-серой синевой — явным признаком падения в пучину безумия.

— Если вырвать сердце... — тихо спросил Коу Дун, — ты ведь погибнешь?

Уголок губ Злого божества дернулся в слабом, презрительном подобии усмешки.

— Какое еще сердце? — равнодушно отозвался он. — Если оно тебе не нужно, это всего лишь деревяшка. Ничего примечательного.

Он небрежно взмахнул рукой и швырнул бусину далеко в сторону. Она с тихим шорохом покатилась по траве и скрылась из виду, оставляя за собой полосу мгновенно увядшей, почерневшей зелени.

Огромный истукан, дернув головой, уставился вслед улетевшему артефакту и собрался было сделать шаг, чтобы подобрать его.

— Стоять, — холодно скомандовал падший бог.

Злое божество высвободило остатки сил, и невидимый импульс мгновенно пригвоздил тяжелую марионетку к полу.

Он вновь устремил на Коу Дуна долгий, насмешливый взгляд.

— И что же, ты собираешься простить их?

— Он бы не хотел этого, — ответил Коу Дун.

И дело было не только в несчастных деревенских жителях, которые веками влачили жалкое, полубезумное существование, но и в ни в чем не повинных чужаках.

Если грехи коренных обитателей еще можно было счесть заслуженной карой, то в чем виноваты заезжие путники?

Их принесли в жертву чужой мести, превратили в пищу для чудовищ, обрекли на вечные скитания после смерти и заставили принять облик свирепых призраков.

Ради их спасения Коу Дун желал деревне Шаньхай окончательного упокоения. Для всех — и для праведников, и для грешников.

Падший бог пристально вгляделся в его лицо, а затем презрительно хмыкнул:

— Терпеть не могу вас, святош. Сплошное ханжество и скука.

Он резко развернулся спиной к юноше и бросил короткое:

— Уходим.

Огромный истукан послушно двинулся следом за своим создателем. Шаг за шагом Злое божество шло вперед. В его груди царила глухая, мертвая тишина — там больше ничего не билось.

Он добровольно расстался с тем, что было ему дороже всего.

Сколько времени утекло с тех пор, как он впервые открыл глаза и увидел Его?

В тот день небо было ясным и бездонно синим, без единого облачка.

Он сделал большой шаг вперед, когда вдруг услышал громкий грохот в ушах. После того, как магия иссякла, статуя без сердца наконец тяжело рухнула на землю, подняв пыль. Среди криков удивления она с трудом пошевелила пальцем, но в конце концов окончательно обмякла и больше не смогла подняться.

Но он всё ещё держался из последних сил и сделал ещё несколько шагов.

По крайней мере...

По крайней мере, там, где он этого не видел.

Его рука начала гореть, словно кто-то поджег её. Повернув голову, Злое божество увидел яркое, жаркое пламя, пожирающее его тело.

Жгучая боль распространялась, и хотя он стиснул зубы и терпел, наказание по правилам системы было беспощадным.

Проигрыш есть проигрыш.

Те, кто проиграл в игре, должны умереть.

Он видел, как тень смерти накрывает его, словно тонкий саван, медленно сплетаясь в огромную, неизбежную сеть. Но под этой сетью он уловил проблеск того самого знакомого золотого света.

Пальцы Праведного божества коснулись его лица, озаряя всё вокруг мягкой, нежной улыбкой. Эта улыбка была такой же сострадательной и безмятежной, как всегда, но на этот раз она

предназначалась только ему.

В оцепенении он почувствовал, будто снова стал тем маленьким мальчиком, который бережно отложил свою единственную чашку риса, чтобы поставить её на алтарь божества. Подняв взгляд, он увидел лицо бога.

Торжественное и величественное, но при этом невероятно теплое и близкое.

Ветер пронесся мимо дверей храма, нежно взъерошив его волосы, словно ласковое прикосновение.

— Хороший мальчик, — услышал он голос из своих воспоминаний, шепчущий на ветру, легкий, как вздох. — Хороший мальчик...

Окутанный этим знакомым, успокаивающим ароматом, он наконец закрыл глаза. В этот миг деревенских жителей больше не существовало; он был единственным, преданным верующим, который добровольно взирал на своего бога, хотя отчаянно жаждал осквернить его.

Деревянная бусина в руке Коу Дуна издала тихий, едва уловимый вздох, прежде чем превратиться в воду и полностью ускользнуть сквозь его пальцы.

Он использовал «Слезу сирены», чтобы загипнотизировать Злое божество в самый последний момент, даровав ему покой.

Е Яньчжи явно не одобрял этого, но промолчал. Он просто обхватил своими крошечными ручками руку юноши, его выражение лица было слегка мрачным.

Правила подземелья вступили в силу.

Согласно этим холодным правилам, NPC был ничтожен, как муравей. Злое божество даже не успел сказать ни слова; за считанные секунды его отступающая фигура съежилась и рассыпалась, превратившись в кучу бледно-серого пепла на глазах у Коу Дуна, который тут же был развеян ветром.

Колонны храма начали рушиться, камень за камнем, кирпич за кирпичом, исчезая в воздухе. В конце тропы толпа деревенских жителей бросилась на шум, размахивая ножами с яростными, кровожадными выражениями лиц, но замерла, увидев лицо Коу Дуна.

Оружие в их руках с грохотом упало на землю.

Это лицо.

Это лицо...

Это было лицо, которое жители деревни Шаньхай никогда не могли забыть.

— ... Бог... — пробормотал кто-то дрожащими губами.

Всё больше людей узнавали его, собираясь на открытой поляне, но не осмеливаясь сделать ни шагу ближе.

— Это Бог!

— Наш Бог вернулся!

Их колени подогнулись, и они истерически зарыдали перед вновь вернувшимся божеством. Всё больше жителей сбегалось по мере распространения новостей, падая к его ногам и кланяясь снова и снова, точно так же, как они делали это столетия назад.

Призраки среди них также сняли свои маски Нуо, падая на колени перед этим знакомым лицом, лишённые всяких сил.

Ковыляя вперед, вышел дрожащий старый староста деревни.

— Это вы! — По его лицу текли слезы. — Вы вернулись... Мы все-таки дождались вашего возвращения...

Сколько грехов они совершили? Даже сами жители уже не могли вспомнить.

С того момента, как они убили своего бога, они ступили в бездонное болото вины, из которого им было уже не выбраться.

Они дрожали, стоя на коленях на холодной земле, не смея поднять головы.

Тяжелый груз давил на них, запирая в вечном кошмаре, от которого даже смерть была роскошью, о которой они могли только молить.

Старый староста деревни подавил рыдание, прошептав:

— Пожалуйста...

Он низко склонил голову, прижавшись лбом к земле.

— Простите нас.

Ведомые им, сотни жителей поклонились в унисон.

— Простите нас!

— Пожалуйста, простите нас!

Их крики становились всё громче, в конце концов сливаясь в мощную волну горя и отчаяния, эхом разносившуюся по бесплодной земле. Однако эта земля давно увяла, а люди на ней уже не были теми невинными душами из прошлого.

Всё изменилось.

Только божество оставалось точно таким, каким его помнил староста — окутанное светом, его широкие белые одежды развевались на ветру, а на красивом лице застыло мягкое, безмятежное выражение.

Они затаили дыхание, ожидая ответа божества.

Коу Дун не ответил им. Вместо этого его взгляд привлек слабый золотистый отблеск в траве.

— Что это?

Он подошел ближе, раздвигая сорняки, и понял, что это сердце Злого божества. Теперь обугленное и черное, его деревянная оболочка треснула, обнажая то, что было скрыто внутри.

Это была фаланга пальца первоначального Праведного божества.

Должно быть, это была единственная реликвия, которую Злое божество сумел спасти из рук обезумевших, кровожадных жителей деревни в те времена.

Деревянная фаланга пальца теперь превратилась в чистое золото, излучая мягкий, нежный свет.

Е Яньчжи прошептал:

— Силы в нем достаточно, чтобы упокоить души всех жителей.

Коу Дун понял. Это было последнее милосердие, которое первоначальное Праведное божество

уготовило для этого исторического греха.

Даже когда бог растворился в небытии после того, как его статуя была разрушена, он знал, что проклятие богоубийства будет вечно терзать эту землю. Из любви к детям, которых он когда-то защищал, он оставил эту последнюю фалангу пальца — свой последний акт милосердия для деревни Шаньхай.

Жители деревни продолжали ждать в тревожной, дрожащей тишине.

После долгой паузы наконец раздался голос Коу Дуна, мягкий и ясный:

— Сыграйте еще одно представление Нуо.

He paused, then added:

— В самый последний раз.

Это было самое грандиозное и последнее представление Нуо, которое когда-либо видела деревня Шаньхай. Под громоподобный бой гонгов и барабанов жители надели свои маски и исполнили священный ритуал, вложив в него всё, что у них было. В двенадцати сложных актах, от «Путешествия на Запад» до поимки призраков Городским богом, старые мастера вложили всю свою преданность в реалистичную резьбу масок.

Когда они хлынули из входа в деревню, это действительно было похоже на парад сотни призраков.

Но на этот раз музыка звучала слаще и прекраснее, чем когда-либо прежде. Музыканты играли изо всех сил, их ритмы были наполнены радостью освобождения и торжественным счастьем наконец искупить свои грехи.

Всё оставшееся имущество в их домах было принесено в жертву. Свиней и овец забивали и складывали грудami на жертвенных столах, наряду с фруктами, колосьями пшеницы и кувшинами с хорошим вином. Люди всегда предлагали небесам самое лучшее.

Теперь не было ни храма, ни величественной статуи. Исполнители в масках уже получили свои ответы и ушли. Божество прошлого больше не сидело за алтарем; жителей деревни ждала лишь та одинокая золотая фаланга пальца.

Масштабная процессия остановилась перед реликвией.

— Спасибо вам, — прошептал староста деревни, первым опускаясь на колени перед алтарем. — Вы снова спасли нас.

Его лицо было полно трепета. После долгого колебания он сказал:

— Не знаю, поверите ли вы мне... но мы никогда не желали вашей кончины.

Как они могли по-настоящему желать убить своего бога?

Просто другие вещи в этом мире могли легко ослепить человека. Например, страх.

Страх смерти был самым сильным, способным подавить их души.

— Лишь теперь мы поняли, — пробормотал староста. — Жизнь и смерть — естественный ход вещей. Все именно так, как вы говорили тогда: у каждого свой срок, и его нельзя изменить.

Он трижды ударился головой о землю перед золотой фалангой пальца, его голос дрожал от сильных эмоций.

— Я грешен перед вами!

— Наш грех — алчность!

— Наш грех — убийство!

Having confessed, he lifted his tear-stained face and bowed once more in deep remorse.

— Карайте нас по вашей воле...

A sudden crack of thunder echoed across the heavens. Instantly, fat, heavy raindrops began to pelt down, splashing onto the villagers.

Когда дождь коснулся их кожи, их плоть начала растворяться, но они лишь издавали крики чистой радости, поднимая руки, чтобы поприветствовать ливень.

Это был первый дождь в деревне Шаньхай за сто лет.

Вода пропитала иссохшую землю и омыла жителей деревни. Под неумолимым дождем их плоть растаяла, оставив после себя чистые белые скелеты. Один за другим кости оседали и растворялись в желтой почве.

Прах к праху, пепел к пеплу, а души — к месту своего последнего упокоения. За свои тяжкие грехи им, вероятно, придется пережить сотни или тысячи лет мучений в Море мертвых, но, по крайней мере, теперь у них был путь к искуплению.

Коу Дун тихо вздохнул в своем сердце.

Е Яньчжи крепко обнял его за плечо, прошептал:

— Пора уходить.

— Да, — ответил юноша. — Пора.

Перед ним всплыла системная подсказка.

[Желаете подтвердить окончательный ответ?]

[А. Да]

[В. Нет]

Коу Дун озвучил свой выбор. В тот момент, когда слова сорвались с его губ, его зрение погрузилось во тьму. Сцена деревни Шаньхай быстро уменьшилась, прежде чем её отбросило далеко вдаль.

Когда Коу Дун снова открыл глаза, он был уже в своем уютном внутриигровом доме. Он открыл панель «Система свиданий» и увидел, что Злое божество занимает четвертую рамку, а на его нарисованных губах играет игривая, понимающая ухмылка.

Коу Дун не мог точно описать свои чувства. Он инстинктивно протянул руку и кончиком пальца провел по щеке Злого божества. Внезапно, к его полному шоку, фигура в рамке сдвинулась.

It was as if the character was raising his hand.

—... Что за?!

Застигнутый врасплох, Коу Дун почувствовал, как его рука внезапно оказалась прижата к ладони Злого божества. Знакомая мощная сила хлынула сквозь них, и NPC внутри картины крепко схватил его за запястье, не давая абсолютно никакой возможности сопротивляться —

And dragged him right into the frame.

Коу Дун: «!!!»

Оставшийся позади Е Яньчжи: «!!!»

Разве это не наглый обман?!

Выброшенный из рамки, Е Яньчжи пошатнулся и упал на пол, почти смеясь от чистого гнева. Посмотрите на это! Это был тот самый великолепный спутник, ради которого Коу Дун пожертвовал редким предметом!

Он уже говорил это — никто из этих чертовых NPC не был хорош!

Ни один из них!!

<http://bllate.org/book/18984/1959858>